ИВАНЪ ТИХОНОВИЧЪ

ПОСОШКОВЪ

ВЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ПРОГРЕССА.

ПУБЛИЧНАЯ РѢЧЬ,

читанная на магистерскомъ диспутѣ въ Казанской духовной академіи предъ защитою сочиненія: «Посошковъ и его сочиненія»

А. Царевскимъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій пр., № 134.
1883.

(Изъ журнала «Странникъ» 1883 г.).

3051

Печатать дозволяется С.-Петербургъ, 3 сентября 1883 г.
Цензоръ, Архимандритъ *Архилій*.

Мм. гг.!

Выступая предъ вами въ качествѣ диспутанта, обязанный занять ваше вниманіе предметомъ своего изслѣдованія, я невольно чувствую нѣкоторое затрудненіе: смогу ли я заинтересовать этимъ предметомъ? Стану ли скрывать, что предметъ моихъ разсужденій въ данномъ случаѣ не за меня? Слишкомъ скромно заглавіе моей книги и совсѣмъ не изъ громкихъ то имя, которое поставлено во главѣ ея. Поэтому, не какія либо высокія обобщенія, смѣлые взгляды вы услышите отъ меня, а нѣчто совершенно частное, эпизодическое; не какой либо современный вопросъ, не что либо связанное съ злобою нашихъ дней я буду разсматривать,—я обращу ваше вниманіе на времена уже давно для насъ минувшія; не великое имя какого либо славнаго генія, великаго вождя или политическаго двигателя я воскрешу въ вашей памяти,—я принимаю на себя смѣлость и быть можетъ не особенно благодарный трудъ отрекомендовать вамъ человѣка маленькаго по положенію, не замѣченнаго въ свое время, а потомъ и вовсе почти было затеряннаго для исторіи.

Мой герой—русскій крестьянинъ, жившій въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Слишкомъ еще не далеко то время, когда это имя было совершенно неизвѣстно, да и теперь вовсе не рѣдкость встрѣтить человѣка учившагося, знакомаго съ русскою литературою, но

котораго однако имя Посошкова способно повергнуть только въ полнѣйшее недоумѣніе. Даже люди науки, спеціально занимающіеся исторіей русской цивилизаціи, иногда еще намѣренно игнорируютъ Посошкова, какъ вѣроятно мелочь, недостойную вниманія. Разительный примѣръ, такъ сказать, краснорѣчиваго молчанія о Посошковѣ представляетъ намъ между прочимъ спеціальный и обширный трудъ Пекарскаго о литературѣ при Петрѣ, гдѣ памяти Посошкова не удѣлено ни единой строчки, гдѣ даже имя его ни разу не упомянуто. Такъ, стало быть, повидимому, ничтоженъ мой герой и такъ стало быть обязательно требуется отъ меня теперь показать цѣнность этого имени, возбудить хоть малую долю интереса къ этой полузабытой, заброшенной личности. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли что нибудь цѣннаго въ Посошковѣ, кромѣ его собственно экономическихъ проектовъ, спеціалистами уже усмотрѣнныхъ и оцѣненныхъ? интересна ли сама по себѣ личность Посошкова и заслуживаютъ ли его сочиненія серьезнаго вниманія въ глазахъ историка, богослова?—Именно этимъ-то вопросамъ я и намѣренъ теперь посвятить свое слово.

Личность Посошкова сама по себѣ, независимо отъ его литературныхъ работъ, представляется крайне замѣчательною, знакомство съ нею для изслѣдователя какой бы то ни было стороны русской культуры должно быть весьма интересно. Посошковъ былъ совершенно незаурядный, во многихъ отношеніяхъ выдающійся человѣкъ; онъ въ такой мѣрѣ щедро надѣленъ былъ дарами природы, что представляется изумительнымъ разнообразіе и многосторонность его способностей и талантовъ. Постоянные порывы къ новому, лучшему, широкая способность обобщеній, доводящая Посошкова часто до крайнихъ увлеченій—съ одной стороны, и необыкновенная тонкость анализа, склонность къ микроскопическимъ занятіямъ, вычисленіямъ—съ другой, вотъ черты, характеризующія духовную природу Посошкова; а черты эти, сходясь вмѣстѣ, въ одной личности, служатъ несомнѣннымъ знакомъ натуры по крайней мѣрѣ талантливой. Свидѣтельствомъ же этихъ чертъ въ личности Посошкова, а также свидѣтельствомъ и вообще его необыкновенной энергіи, предпріимчивости, изобрѣтательности, служитъ вся его въ высшей сте-

пени подвижная жизнь и самая разнохарактерная дѣятельность.

Прежде всего, это былъ крестьянинъ-*земледѣлецъ*, который однако, благодаря своей ловкости и дѣловитости, и въ матеріальномъ отношеніи настолько выдѣлился изъ ряда своихъ собратій, что сдѣлался собственникомъ цѣлыхъ дачъ, помѣстій. Этому вѣроятно помогли далѣе *торговые обороты* Посошкова, такъ какъ онъ занимался и разнообразной торговлей, бралъ большіе подряды даже у правительства. Кромѣ этихъ—спеціально крестьянскихъ работъ и торговыхъ занятій, Посошковъ обнаружилъ необыкновенныя способности къ работамъ *механическимъ*. Между дѣлами, самоучкою, Посошковъ сдѣлался въ такой мѣрѣ замѣтнымъ въ свое время техникомъ, что исполнялъ наиболѣе трудныя порученія правительства; какъ лучшій механикъ онъ былъ представленъ даже самому Петру Великому и по его заказу приготовлялъ напр. денежные станки для монетнаго двора, изобрѣталъ какіе-то рогатки огнестрѣльныя, затинныя пищали, разныя орудія воинскія. Самъ онъ въ такой мѣрѣ хорошо владѣлъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что удивлялъ всѣхъ своею ловкостью въ этомъ дѣлѣ. Свѣдущъ также и опытенъ былъ Посошковъ въ *минералогіи*. Съ точностью настоящаго спеціалиста-минералога говоритъ онъ о разныхъ минералахъ, которые онъ самъ лично отыскалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, называетъ даже нѣкоторыя новыя породы, ранѣе ему неизвѣстныя и имъ самимъ впервые открытыя.

Сверхъ того Посошковъ былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ въ свое время спеціалистовъ въ *винномъ производствѣ*, такъ что въ теченіе 16 лѣтъ онъ состоялъ «водочныхъ дѣлъ мастеромъ» въ Новгородѣ и нѣкоторое время въ Москвѣ надзорщикомъ при «водочномъ строеніи». Потомъ Посошковъ былъ очевидно человѣкъ свѣдущій и опытный въ *мануфактурной производительности*, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что онъ хлопоталъ объ открытіи коломинковой и полотняной фабрики. Также извѣстно, что Посошковъ хлопоталъ объ открытіи какой-то «картной» фабрики. Потомъ, самъ Посошковъ величалъ себя какихъ-то «фонтальныхъ дѣлъ мастеромъ». Далѣе Посошкову доступно было

искусство рисованія, и если нѣтъ свѣдѣній о его самостоятельныхъ работахъ въ этомъ родѣ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ зналъ теорію рисованія и въ сочиненіяхъ своихъ неоднократно даетъ спеціальныя наставленія и уроки въ теоріи этого искусства.

Кромѣ этихъ и тому подобныхъ свѣдѣній и способностей Посошкова, онъ особенно поражаетъ своею обширною начитанностію и своею замѣчательною умственною развитостію, не въ примѣръ громаднѣйшему большинству своихъ современниковъ. Школьнаго, какого либо систематическаго обученія Посошковъ не получилъ вовсе: «человѣкъ я неученый, книжныя премудрости не наученъ есмь, ученью школьному не искусенъ, простецъ есмь»,—такъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ рекомендуетъ себя Посошковъ. Но за то Посошковъ съ необычайною настойчивостію и ревностію постарался восполнить этотъ недостатокъ своего воспитанія, восполнить, какъ это водилось, чтеніемъ книгъ. И Посошкова смѣло можно поставить образцомъ, типомъ древнерусскаго начетчика, перечитавшаго массу бывшей въ древнерусскомъ обращеніи христіанской письменности. Прежде всего, Посошковъ владѣлъ обширнымъ знаніемъ Св. Писанія, доказательствомъ чему служитъ въ сочиненіяхъ Посошкова свободное и обильное пользованіе текстами его. Частыя ссылки на Св. книги и многократные опыты Посошкова разъяснять приводимые тексты свидѣтельствуютъ, что онъ не механически читалъ и заучивалъ Св. Писаніе, но относился къ дѣлу сознательно, усиливался постигнуть внутренній смыслъ болѣе или менѣе прикровеннаго, недоумѣннаго Также близко знакомъ былъ Посошковъ съ святоотеческою письменностію; онъ цитуетъ сочиненія всѣхъ Отцовъ, сочиненія которыхъ были извѣстны у насъ: Златоуста, Василія В., Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго, Феофилакта, Григорія Двоеслова, Іоанна Лѣствичника, Іоанна Дамаскина и др. Извѣстны были Посошкову также и каноническія сочиненія; онъ цитуетъ правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, Кормчей книги. Въ качествѣ примѣровъ онъ разсказываетъ факты изъ св. исторіи, довольно подробно передаетъ исторію гоненій, ересей и сущность лжеученій послѣднихъ и пр.,—все это сви-

дѣтельствуетъ о знаніи имъ исторіи церковной. Не чужды были Посошкову нѣкоторыя свѣдѣнія даже въ филологіи, какъ области наиболѣе спеціальной; конечно въ самыхъ общихъ и болѣе или менѣе случайныхъ чертахъ Посошковъ имѣлъ нѣкоторое знакомство съ языками: греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ,—по крайней мѣрѣ онъ приводитъ въ сочиненіяхъ нѣкоторыя слова этихъ языковъ и самъ заявляетъ, что онъ сличалъ славянскую Библію съ иноязычными библіями и этимъ путемъ много «позналъ въ библіи неправостей, яко не право переведены и напечатаны,—тамо (т. е. въ иноязычныхъ библіяхъ) явились правѣе и приличнѣе тѣ глаголы». Наконецъ, что всего для насъ важнѣе, Посошковъ, при своихъ выдающихся способностяхъ и столь разносторонних занятіяхъ и свѣдѣніяхъ, былъ многосторонній, плодовитый писатель-публицистъ.

Въ настоящее время уже приведено въ извѣстность болѣе десяти сочиненій Посошкова, самаго разнохарактернаго содержанія. Началъ свою литературную дѣятельность Посошковъ съ политико-экономическихъ вопросовъ: около 1701 года написалъ финансовый проектъ «Денежное письмо». Отъ финансовъ перешелъ къ воинскому дѣлу и написалъ проектъ «О ратномъ поведеніи», т. е. свои соображенія о лучшей постановкѣ воинскаго дѣла на Руси. Отъ воинства обратился къ духовенству: мѣстоблюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому, онъ подаетъ «Доношеніе о духовныхъ дѣлахъ», т. е. проектъ объ улучшеніи быта духовенства и нравственности въ средѣ народа. Потомъ переходитъ къ вопросамъ педагогическимъ и пишетъ особый «Проектъ о школахъ», гдѣ трактуетъ о раціональной постановкѣ школьнаго дѣла въ Россіи, проектируетъ заведеніе высшихъ образовательныхъ школъ, академій. Потомъ пишетъ вторую Записку Стефану Яворскому о необходимости развитія религіознаго сознанія въ народѣ русскомъ и какъ о необходимомъ условіи для этого—объ образованіи духовенства. Въ то же время Посошковъ пишетъ и пускаетъ въ обращеніе свое громаднѣйшее сочиненіе богословско - полемическаго содержанія, «Зерцало очевидное», въ двухъ редакціяхъ—сокращенной и пространной, гдѣ подробно подвергъ критикѣ и обличилъ

заблужденія раскола и лютеранства, какъ наиболѣе опасныхъ враговъ русскаго православія въ ту пору. Потомъ, по поводу выпуска новыхъ монетъ, Посошковъ пишетъ второй финансовый проектъ, разсужденіе «О новоначинающихся деньгахъ». Далѣе, Посошковъ, уже приближаясь къ старости, пишетъ интереснѣйшее въ литературномъ отношеніи, громадное по объему завѣщательное сочиненіе—свое «Завѣщаніе отеческое къ сыну», выпуская его также въ двухъ редакціяхъ, сокращенной и полной, которая еще не отыскана и въ которой было прибавлено особое разсужденіе Посошкова о духовномъ чинѣ и о обязанностяхъ духовенства. Наконецъ, за годъ до смерти, въ 1724 году, Посошковъ окончилъ и выпустилъ новый и послѣдній уже свой трудъ—знаменитую «Книгу о скудости и богатствѣ», т. е. всестороннее разсмотрѣніе причинъ скудости русской земли и о средствахъ и условіяхъ къ ея обогащенію.

Вотъ бѣглый перечень извѣстныхъ теперь литературныхъ работъ Посошкова. Количество и разнообразіе этихъ сочиненій само по себѣ уже невольно обращаетъ на себя вниманіе. Если же присоединить къ этому многостороннюю дѣятельность Посошкова внѣ собственно литературнаго поприща, то предъ нами возстаетъ образъ человѣка замѣчательно дѣятельнаго, подвижнаго, энергичнаго, въ высшей степени трудолюбиваго, который видимо вошелъ, такъ сказать, во вкусъ трудолюбивой жизни и потому-то отъ полноты искренняго своего убѣжденія написалъ въ завѣщаніи сыну: «нѣсть того на свѣтѣ утѣшнѣе человѣку, какъ въ трудахъ забавлятися». Но какъ сверхъ того и свѣтелъ, симпатиченъ становится этотъ образъ, когда мы знакомимся съ его идеалами, словомъ съ его душою, непринужденно, такъ сказать, выложенною и отразившеюся въ только что перечисленныхъ сочиненіяхъ.

Крестьянинъ, земледѣлецъ, механикъ, винодѣлъ и—литераторъ! Такъ странно это сопоставленіе даже для нашего времени, такъ необычно и доселѣ это сочетаніе занятій духовныхъ съ житейскими, умственныхъ интересовъ съ пошлою обыденщиною! И теперь, не смотря на всеобщую почти грамотность, не смотря на открытые для всѣхъ пути и средства

къ образованію, у насъ пока на дѣлѣ нѣтъ крестьянамъ доступа въ литературу, по крайней мѣрѣ и теперь нѣтъ почти примѣровъ, чтобъ они участно относились ко всему пишемому о нихъ въ нашей литературѣ. Тѣмъ болѣе неожиданно и странно было явленіе въ литературѣ крестьянина петровской эпохи, когда и вся сумма учености даже передовыхъ людей времени ограничивалась только искусствомъ чтенія и письма, когда просто только грамотный крестьянинъ составлялъ явленіе рѣдкостное, случай исключительный. Что же выдвинуло заваленнаго всякою работою Посошкова въ литературу, что заставило его трудовую руку взяться за перо? Не практическіе разсчеты, не корысть какая либо, не стремленіе выдвинуться, обратить на себя вниманіе, произвели крестьянина Посошкова въ литератора! Нѣтъ, литературная работа для него сопряжена была со всяческими затрудненіями, одними только непріятностями, съ основательными опасеніями преслѣдованій, мщенія, съ рискомъ даже за жизнь свою. Стало быть, это была не эксплоатація своихъ способностей «киченія ради или ради прибытка, какого поисканія или самохвальства», а это—чистое, святое употребленіе силъ своихъ, безкорыстная трата своего и «единаго таланта, яже ми Богъ даде», на пользу общественную. Не открыто и не во главѣ общества стоялъ Посошковъ, — онъ вынужденъ былъ часто скрывать всячески свое имя. «Утаенно отъ зрѣнія людскаго» писалъ нѣкоторыя сочиненія Посошковъ, а представляя ихъ по назначенію, просилъ въ награду за трудъ свой одной только милости: «да не явится имя мое людямъ—иного ничего не требую». Передавая свое сочиненіе посредствующему лицу, просилъ: «мой вымыселъ объяви Государю отъ *своего* лица, о мнѣ умолчи». «Прошу милость твою, да не всякъ зритъ моего письма труды, но да будетъ у тебя въ сохраненіи».

Что же это за безкорыстный труженикъ, тратившій время и силы на писаніе сочиненій, которыя ему же приносили только непріятности, за которыя ему же приходилось только страшиться?—«Любитель есмь правды; видя правду отвержену, возжелахъ тую объявить». Итакъ, этотъ человѣкъ, руководившійся въ своей литературной дѣятельности мотивами

столь не практичными, съ точки зрѣнія житейской морали непонятными, и былъ носитель тѣхъ принциповъ, хотя на малой долѣ которыхъ все же зиждется и блюдется истинное достоинство человѣка; это былъ искатель того, чего такъ мало въ жизни, это былъ представитель настоящей искренней честности, исповѣдникъ правды. Правдолюбіе, въ связи съ другими, не менѣе цѣнными чертами въ характерѣ Посошкова, въ связи съ его глубочайшимъ патріотизмомъ и беззавѣтною преданностію своему государю, и заставили его презирать всѣми своими нуждами, пренебречь всѣми опасностями и—пуститься на поиски за затерянною въ русской жизни правдою. «Страшенъ ми сей глаголъ, что дерзнулъ писати, но презѣльная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло. Отъ юности своей бѣхъ таковъ, что лучше ми каковую либо пакость понести, нежели, видя что не полезно, умолчати. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалихся во мнѣ, еже никакая нужда пресѣщи не могла». При такой преданности своему Государю, Посошковъ не могъ равнодушно смотрѣть на самоотверженную дѣятельность Петра при равнодушіи или даже протестѣ народа. «Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ,—то какъ его дѣло споро будетъ! Аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово». Ясно сознавая всю важность для Россіи реформаторскихъ предпріятій Петра и опасаясь, что государю, оставленному безъ поддержки, «колико не бившись, все покинуть придется, не измѣня древнихъ порядковъ», Посошковъ рѣшился посвятить себя на честную службу своему отечеству, въ помощь своему Государю, рѣшился добровольно и искренно, по убѣжденію, посвятить себя въ число тѣхъ немногихъ, съ которыми Великій Преобразователь русскаго царства только «самъ десять тянулъ на гору». Какъ человѣкъ «присутствія ко власти не имущій», Посошковъ нашелъ единственный путь для своей дѣятельности—путь писаннаго слова, и онъ взялся за перо. Во имя правды, въ интересахъ общественной пользы. Посошковъ обращаетъ въ своихъ сочине-

ніяхъ вниманіе Петра на тѣ прямыя нарушенія справедливости, которыя выносилъ русскій народъ безъ воли и свѣдѣнія о томъ государя, изображалъ тѣ злоупотребленія, которыя тяготѣли надъ народомъ, выводилъ наружу тѣ бѣдствія, отъ которыхъ стонали русскіе люди, указалъ прямо факты, въ которыхъ «дворяне государя своего оболгали».

Какъ человѣкъ въ высшей степени честный, добросовѣстный, «любитель правды», Посошковъ причину всякихъ золъ и нуждъ отыскалъ въ нарушеніи общечеловѣческой правды, какъ съ другой стороны въ правдѣ же, въ возстановленіи ея Посошковъ указалъ и главнѣйшее необходимое условіе всякаго успѣха въ человѣческихъ дѣлахъ. Правда составляла предметъ его задушевныхъ желаній вездѣ и во всемъ; въ ней онъ видѣлъ средство и душевнаго спасенія и внѣшняго народнаго благосостоянія. Эти-то поиски правды, усилія возстановить ее въ жизни народной и составили цѣль и основную идею знаменитой «Книги о скудости и богатствѣ», которая уже по праву обратила на себя вниманіе ученаго міра. Независимо даже отъ указанныхъ сейчасъ общихъ, въ основу ея положенныхъ, руководящихъ идей этой книги, спеціалисты оцѣнили и положительныя ея качества: трезвость взгляда на источникъ и причины общественныхъ золъ, основательность сужденій, мѣткость и разумность предложенныхъ въ книгѣ проектовъ. Но оставляемъ впрочемъ другимъ цѣнить и взвѣшивать всѣ политическіе взгляды и экономическіе проекты Посошкова. Мы встрѣчаемъ въ Посошковѣ, какъ авторѣ этой книги, нѣчто болѣе дорогое, нежели политика, экономиста, публициста, — мы встрѣчаемся здѣсь прежде всего съ *человѣкомъ*, въ лучшемъ, достойнѣйшемъ значеніи этого слова. Много было у насъ тогда и политиковъ и механиковъ и всяческихъ спеціалистовъ, а *людей* настоящихъ мало было. Скоро, какъ извѣстно, усмотрѣнъ былъ этотъ недостатокъ въ рядахъ новаго русскаго общества и недаромъ преемница великихъ дѣлъ Великаго Петра Екатерина съ такою энергіею взялась за восполненіе этого пробѣла, принялась воспитывать «человѣка». Мало было у насъ тогда столь неподкупно честныхъ людей, самоотверженныхъ патріотовъ, каковъ былъ Посошковъ, и тѣмъ болѣе должна быть

дорога его память. Это восторженное исповѣданіе правды во время общаго забвенія и попранія ея, эта беззавѣтная любовь къ своему отечеству и преданность Государю, безкорыстная готовность жизнію пожертвовать за нихъ, всѣ силы, способности, всѣ богоданные таланты свои принести имъ на служеніе,—все это истинно доброе, человѣчное невольно располагаетъ къ Посошкову... Но вотъ еще новая черта въ Посошковѣ, черта все оживляющая, одухотворяющая и потому-то, какъ все живое и живящее, особенно симпатичная, это—его живая, дѣятельная религіозность, глубокая сердечная набожность. Искренность религіозныхъ убѣжденій Посошкова, сила его вѣры, являются въ сочиненіяхъ до осязательности очевидными. Поэтому-то чтеніе Посошкова возбуждаетъ невольно самое отрадное, согрѣвающее впечатлѣніе, какое обыкновенно получается отъ знакомства съ человѣкомъ, у котораго есть Богъ, для котораго чужды сомнѣнія, который вѣруетъ всею силою своего неиспорченнаго сердца, и сила убѣжденій котораго неотразимо дѣйствуетъ на слушателя. Такая именно настроенность Посошкова, дѣлающая его еще болѣе симпатичнымъ, вдвойнѣ дорога намъ потому, что она-то и была причиною явленія большинства сочиненій Посошкова.

Прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе, послѣ сочиненій политическихъ, труды Посошкова полемическіе. Не особенно покойно и не отрадно было положеніе русской Церкви въ ту пору; много глубокихъ думъ и заботъ могло роиться въ головѣ столь преданнаго ея сына, каковъ былъ Посошковъ. На первомъ планѣ стояла видимая гроза, тяготѣвшая надъ церковью русскою. Два равно сильныхъ и опасныхъ врага нарушали миръ и грозили цѣлости русскаго православія: со-внѣ прививалось лютеранство, черезъ посредство массами переселявшихся въ Русь нѣмцевъ, а внутри русской церкви въ страшныхъ размѣрахъ поднимался и ширился расколъ, какъ неразумное стояніе въ обрядовой старинѣ, какъ живое свидѣтельство внѣшняго, только формальнаго отношенія массы народа къ Христовой религіи. Эти два врага представлялись вдвойнѣ опасными и грозными въ виду полнаго безсилія исповѣдниковъ православія, при пол-

ной умственной скудости, религіозномъ невѣжествѣ и моральномъ упадкѣ даже духовенства, т. е. сословія, стоящаго во главѣ общества православныхъ и по самому своему положенію призваннаго хранить чистоту вѣры, блюсти интересы православія. «Не токмо отъ люторскія или отъ римскія ереси,—такъ съ чувствомъ глубокой скорби отзывается Посошковъ о современныхъ ему вождяхъ православія,—но и отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, и не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе—вѣра. Татаркѣ противу ея заданія ничего сказать не могутъ»! Посошковъ не могъ равнодушно смотрѣть на страшныя колебанія и сильнѣйшую смуту въ русской церкви; любитель правды вообще, онъ тѣмъ болѣе не могъ молчать «видя правду отвержену, попрану» въ вѣрѣ. «Бога истиннаго въ свидѣтели являю, яко не могъ утерпѣти, видя въ вѣчную погибель отъ недознанія своего многихъ людей грядущихъ, еже бы имъ праваго пути не показати.. Не могу зловѣрія терпѣти, еже бы не ворчати». И вотъ Посошковъ, не смотря на присущее ему сознаніе своего недостоинства, «яко неукъ, простецъ есмь»,—сознаніе особенно сильное въ этихъ его заботахъ о неприкосновенности русскаго православія, «яко не мое сіе дѣло»,—рѣшается, «призвавъ Бога на помощь, подвигнуться о подъятіи и исправленіи погибающихъ, падшихъ въ расколъ и отъ люторскаго мудрованія шатающихся». Плодомъ этой рѣшимости было Зерцало Очевидное, громаднѣйшее богословско-полемическое сочиненіе, въ которомъ Посошковъ выступилъ на открытую борьбу съ обоими врагами, взялся поразить основанія раскола и лютеранства. Посошковымъ движетъ въ этомъ случаѣ та же его искренняя привязанность къ своей отчизнѣ съ ея святою, чистою вѣрою, неподдѣльная любовь и сожалѣніе о своихъ братьяхъ, «отпадшихъ отъ матере своея святыя церкве и подпадшихъ царству діавола», имъ движетъ, наконецъ, и тутъ та же благочестивая ревность и благородное возбужденіе. «Вѣсть Господь, яко иногда и нужду свою домовную презрѣвъ въ Зерцалѣ потрудихся. Токмо единая ревность на такое великое дѣло мя подвиже. Богъ

меня на сіе дѣло возбудилъ, буди Его Божія воля,—единъ бо есть талантъ прія, потолику и трудихся».

Но не эти только два открытые, объявившіеся врага — расколъ и лютеранство—грозили русскому православію. Существовала еще опасность, болѣе серьезная, опасность, давшая доступъ, открывшая дорогу, а частію даже обусловившая и существованіе этихъ внѣшнихъ враговъ. Эта опасность крылась съ одной стороны въ отсутствіи просвѣщенія, въ умственномъ мракѣ русскихъ людей, а съ другой—въ религіозномъ невѣжествѣ ихъ, въ извращенной набожности, въ отсутствіи яснаго пониманія духа и истиннаго смысла вѣры Христовой. Посошковъ отлично понялъ этотъ истинный-то источникъ всякихъ смутъ и колебаній въ религіозномъ сознаніи современнаго общества, и не внѣшнія только мѣры, дотолѣ практиковавшіяся въ отношеніи къ заблужденію, не загражденіе еретичествующихъ устъ только рекомендовалъ онъ. Отъ него направляется къ лицамъ, власть имущимъ, рядъ посланій и записокъ, въ которыхъ онъ, по его собственному выраженію, именно «докучалъ» этимъ лицамъ позаботиться объ умственныхъ и религіозныхъ интересахъ русскихъ людей, дать народу средства отличать истину отъ лжи, просвѣтить темный народъ, поселить и на руской землѣ науку, открыть народную школу, поставивши во главѣ ея истинныхъ духовныхъ вождей народа, а не наемниковъ нерадящихъ и не могущихъ радѣть объ овцахъ. «Вся наша гибель и все наше спасеніе лежитъ въ пресвитерахъ: аще они будутъ несмыслени, то и люди будутъ несмысленіи, а аще пресвитеры будутъ разумны и святи, то и люди будутъ разумительны и святости близко. Въ духовномъ чину аще будутъ люди неученые, въ писаніи неискусные, то благочестивая вѣра наша исказится и вси разыдутся въ расколы».

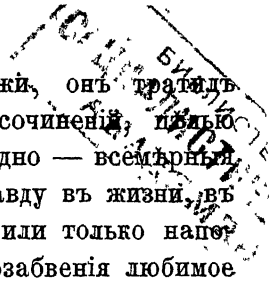
Какъ же избѣжать этихъ опасностей, чѣмъ исцѣлить эту умственную болѣзнь и религіозную немощь своего вѣка? А вотъ какъ: «Построить бы въ епархіяхъ школы просторныя, собрать бы всѣхъ духовныхъ дѣтей отъ 10 до 25 лѣтъ, брать бы и неволею, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума». Давать школьникамъ книги и «гражданскія, бытейскія и лѣтописныя, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ

было. Нехудо учинить крѣпкое опредѣленіе, чтобы и въ малыхъ деревняхъ безотложно дѣтей учить грамотѣ. Да нехудо бы (даже) и у мордвы дѣтей брать и учить грамотѣ, хотя бы и насильно. Аще такъ устроить, и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ, вся Россія умудрилась бы. И сіе преславное дѣло трудно токмо начати да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися». Нечего говорить, что этотъ рецептъ Посошкова противъ всѣхъ духовныхъ немощей русскаго человѣка, особенно въ такой громадной дозѣ, какъ общенародное просвѣщеніе, поголовная грамотность, т. е. то, что и доселѣ еще во многомъ принадлежитъ къ области желаемаго только, — такой рецептъ, предложенный крестьяниномъ еще XVII ст., питомцемъ Домостроя, есть поистинѣ явленіе замѣчательное.

Но наряду съ образованіемъ школьнымъ необходимо было просвѣщеніе собственно христіанское, т. е. развитіе въ народѣ истинной, дѣятельной религіозности, подавленной въ народномъ сознаніи мертвою обрядностью, бездушнымъ формализмомъ. И вотъ, Посошковъ, независимо отъ запросовъ общенародной грамотности, гораздо съ большею подробностію и настоятельностію требуетъ религіозно-нравственнаго назиданія для народа, онъ именно *требуетъ* этого, потому что безцеремонно направляетъ къ главѣ церкви русской, къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола, рядъ записокъ, въ которыхъ еще съ болѣе рѣзкою безцеремонностью онъ напоминаетъ всему духовенству объ обязанности его учить народъ. «О семъ ты, государь, извѣстно вѣси (знай), что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи духовномъ ученія не бываетъ. Того ради вельми нужно вашей святости о семъ потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное и естественное благочиніе управлять, какъ намъ Бога знать, какъ душеполезно жить. Я мню, развѣ сотый человѣкъ знаетъ, что есть христіанская вѣра, кто есть Богъ, какъ Ему молиться» и т. д. «И того ради вельми, вельми надлежитъ о семъ дать знать, вельми, вельми надобно потщатися, дабы отъ неразумія люди напрасно не погибали» и пр. «Молю, да даси намъ разумѣть, какъ Бога знать, какъ Его чтить, какъ Ему молиться. Отъ

всея своя души молю тя, архіерея Божія, не отрини сего моего доношенія, понеже вижу, что повсюду погибаемъ, а помощи ни откуда не знаемъ» и т. д. Какъ и въ другихъ случаяхъ, Посошковъ не ограничился только указаніемъ существующихъ недостатковъ, не остановился также и на требованіяхъ мѣръ къ пресѣченію зла, искорененію этихъ недостатковъ; онъ и тутъ рѣшился оказать возможную только въ его положеніи помощь правительству, предложить свои соображенія, совѣты. Въ разсужденіи о школьномъ ученіи онъ предложилъ проектъ преобразованія русской графики, въ общихъ чертахъ набросилъ, по своему разумѣнію, планъ учебной грамматики и пр. Въ вопросѣ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа онъ предложилъ подробную систему испытаній лицъ вступающихъ въ священство, совѣтовалъ изданіе проповѣдей для чтенія въ церквахъ, рекомендовалъ распространеніе въ народѣ нѣкоторыхъ полезныхъ, назидательныхъ книгъ и пр. Наконецъ, сверхъ всего этого, онъ самъ рѣшился предложить въ подробной картинѣ образецъ истинной христіанской жизни, записать въ назиданіе подростающему поколѣнію тѣ нравственно-практическіе идеалы, которые носились въ его представленіи. Плодомъ этой рѣшимости было Завѣщаніе Отеческое, большое и интереснѣйшее сочиненіе Посошкова, въ которомъ онъ, взявши человѣка съ поры еще неразумнаго дѣтства, проводитъ послѣдовательно чрезъ всѣ возрасты, ставитъ во всевозможныя положенія, начиная съ епископства и кончая рабствомъ, нищенствомъ, и вездѣ учитъ христіанина, какъ онъ долженъ жить, какъ онъ долженъ держать себя на высотѣ своего призванія и назначенія. Главнымъ побужденіемъ, которое, такимъ образомъ, руководило Посошковымъ въ написаніи Завѣщанія, было его пламенное желаніе видѣть въ молодомъ поколѣніи осуществленіе идеаловъ, сложившихся въ его представленіи, видѣть воплощеніе въ жизни высокихъ требованій Христіанства, идеаловъ евангельскихъ, какъ ихъ могъ себѣ представить и согласить съ обыденною жизнію Посошковъ.

Итакъ, человѣкъ энергичный, трудолюбивый, Посошковъ и по убѣжденіямъ, стремленіямъ своимъ былъ безспорно честнымъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ. Восторженный люби-



тель правды и заклятый врагъ всякой лжи, онъ тратилъ много силъ и времени на писаніе своихъ сочиненій, пылью и объединяющею идеею которыхъ было одно — всемѣрныя усилія возстановить въ людяхъ правду, правду въ жизни, въ вѣрѣ, усилія — своимъ опытомъ, знаніемъ или только напоминаніемъ, совѣтомъ—спасти свое до самозабвенія любимое отечество отъ паденія религіознаго, нравственнаго и даже отъ банкротства финансовъ. И не дешево же обошлась этому замѣчательному крестьянину его честная, благородная служба на пользу общественную! Посошковъ отлично зналъ жизнь говоря, что «неправда вельми вкоренилась въ людяхъ», что «неправда людская всячески будетъ препинать насажденію правды». Посошкову пришлось горько испытать на себѣ самомъ справедливость своихъ словъ. Современная неправда не простила Посошкову его рѣзкаго, энергичнаго призыва къ правдѣ и жестоко насмѣялась надъ этимъ непоколебимымъ ратоборцемъ во имя правды... Судьба Посошкова замѣчательна. Въ самый первый и въ самый послѣдній разъ мы встрѣчаемся съ этимъ «любителемъ правды» въ пріютѣ отверженцевъ общества, дѣлателей всякой неправды, словомъ—встрѣчаемся въ тюрьмѣ. Вотъ случай первоначальнаго знакомства. Въ 1697 году возникло слѣдственное дѣло о небольшомъ кружкѣ неспокойныхъ людей, собиравшихся въ кельяхъ Андреевскаго монастыря у строителя Авраамія, разсуждавшихъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ въ общественной жизни и дерзнувшихъ даже составить на имя царя записку «о гибельномъ положеніи отечества». Въ этомъ-то кружкѣ, какъ выяснилось на слѣдствіи, были между прочимъ и два брата—«Ивашко да Ромашко Посошковы». Дѣло не обошлось безъ арестовъ, а для нѣкоторыхъ не обошлось даже и безъ пытокъ. Это была первая школа Посошкова, научившая его нѣсколько осторожности, но отнюдь не отнявшая рѣшимости обличать общественныя язвы. Въ широкихъ размѣрахъ продолжалъ онъ дѣло, начатое въ тиши монастырскихъ келій. Но, не смотря на свою осторожность, много Посошкову пришлось переиспытать на своемъ вѣку всякихъ непріятностей отъ людей, какъ онъ ихъ называлъ, «ненавистныхъ, завистливыхъ, любителей неправды», и умереть

ему пришлось смертію настоящаго колодника, арестанта. Тяжкою виною Посошкова, преступленіемъ, навлекшимъ на него кару, были — его сочиненія! Слишкомъ справедливы были опасенія Посошкова за свою полную безпощадныхъ обличеній Книгу о скудости и богатствѣ... Не даромъ онъ «утаенно отъ зрѣнія людскаго» писалъ эту книгу, а предлагая ее на разсмотрѣніе «единаго высокопарнаго бѣлаго орла, явнаго правдолюбца, Императора Петра», такъ усердно просилъ его: «да не явится имя мое любителямъ неправды, понеже не похлѣбуя имъ писалъ, и аще увѣдятъ о моей мизерности, не попустятъ меня на свѣтѣ жити, прекратятъ животъ мой, за поносное на нихъ слово учинятъ мнѣ какую пакость». Къ величайшему прискорбію, замѣчательная книга Посошкова, быть можетъ открывшая бы Посошкову широкое поле общественной дѣятельности, сдѣлавшая бы его полезнѣйшимъ сотрудникомъ Великаго Преобразователя темныхъ сторонъ русской жизни, не попала въ руки этого поднебеснаго бѣлаго орла русскаго, уже тогда кончавшаго свой полетъ. За то книга эта попала въ руки тѣмъ именно земнымъ орламъ, которыхъ такъ боялся Посошковъ. Въ 1724 году Посошковъ только что окончилъ свою книгу о скудости и богатствѣ, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія похоронила своего Петра Великаго... Въ августѣ слѣдующаго 1725 г. Посошковъ сидѣлъ уже въ крѣпости, а между тѣмъ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ допрашивали народъ, не имѣетъ ли кто «книгу изданія Посошкова, зовомую скудость съ богатствомъ». Неизвѣстно, къ чему привели и чѣмъ кончились эти розыски, только Посошковъ не былъ освобожденъ изъ подъ ареста. Дѣло вѣроятно само собою прекратилось вслѣдъ за выпускомъ изъ тайной канцеляріи, въ первыхъ числахъ февраля 1726 года, формально приказа, чтобы умершаго въ Петропавловской крѣпости арестанта Ивана Тихонова Посошкова похоронить при церкви Самсонія Страннопріимца на Васильевскомъ острову... Такъ грустно кончилась эта печальная повѣсть жизни человѣка — маленькаго, затертаго, раздавленнаго неправдою, раздавленнаго за его благороднѣйшія стремленія, за его святую ревность

къ общенародному благу, за его беззавѣтную преданность своей отчизнѣ и своему государю.

Но Посошковъ не погибъ для насъ безслѣдно. Онъ сохранился, онъ живъ въ своихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ. На нихъ онъ положилъ свою жизнь и въ нихъ выложилъ всю свою душу; онъ весь въ нихъ высказался, съ своими чувствами, понятіями и убѣжденіями, своими симпатіями и антипатіями, идеями и идеалами. Нашли, оказывается, сочиненія Посошкова укромные уголки, пріютившіе въ себѣ ихъ, спаслись эти сочиненія отъ истребленія и сохранили такимъ образомъ право русскаго народа справедливо гордиться однимъ лишнимъ достойнѣйшимъ своимъ сыномъ. Спасли въ себѣ эти сочиненія и драгоцѣнный для науки русской матеріалъ историческій и замѣчательный памятникъ литературный.

Историкъ читаетъ теперь въ сочиненіяхъ Посошкова правдивые историческіе мемуары, набросанные непринужденною рукою современника великихъ реформъ русской земли. Сочиненія эти писались въ замѣчательнѣйшую эпоху русской исторіи; на глазахъ Посошкова совершалось великое дѣло всесторонняго пребразованія Россіи; онъ непосредственно на себѣ испыталъ, вмѣстѣ съ своими современниками, всю тяжесть и силу историческаго переворота; въ сочиненіяхъ своихъ онъ отобразилъ первоначальное впечатлѣніе здравомыслящаго русскаго человѣка въ виду многочисленныхъ новинокъ. Много возвышаясь надъ своими современниками, Посошковъ тѣмъ не менѣе является въ сочиненіяхъ представителемъ своего народа; онъ не выдѣлился ни на іоту изъ народа, онъ жилъ съ народомъ, народною жизнію и— только яснѣе другихъ видѣлъ и понималъ все вокругъ происходящее, только владѣлъ большею способностью записать народные взгляды, стремленія, идеалы. Поэтому сочиненія его неподдѣльно народны, жизненны. Счастливая въ этомъ отношеніи судьба Посошкова доставила ему возможность ближе другихъ всмотрѣться въ современное положеніе дѣлъ. По своему происхожденію и положенію связанный съ низшими и средними слоями общества, Посошковъ въ то же время имѣлъ нѣкоторыя связи, дѣловыя знакомства съ людьми высокопостав-

ленными, принималъ порученія отъ правительства, даже отъ самого Государя. Посошковъ поэтому болѣе нежели всякій другой все видѣлъ, ему было все извѣстно, все у него совершалось на глазахъ, онъ могъ всмотрѣться въ разныя задачи и порядки администраціи, законодательства, въ весь строй соціальной, религіозной, нравственной и умственной жизни современнаго общества. Онъ писалъ о томъ, что происходило предъ глазами всего народа, касалось непосредственно его, въ чемъ живо заинтересованъ былъ каждый членъ общества. Посошковъ предлагалъ мѣры, проекты къ удовлетворенію народныхъ потребностей, указывалъ выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыхъ очутились русскіе люди,— все это опять-таки было просто произведеніемъ здраваго народнаго смысла, смѣлыми соображеніями смѣтливаго крестьянина о томъ, какъ и что казалось ему лучше, какъ и чему научилъ его жизненный опытъ. Наконецъ, Посошковъ въ подробныхъ чертахъ нарисовалъ идеалъ человѣка-христіанина, и идеалъ этотъ вышелъ всецѣло жизненнымъ,—онъ нарисованъ чисто народными красками, въ немъ живо отразились идеальныя представленія здравомыслящихъ людей древней Россіи. Словомъ, Посошковъ писалъ изъ среды народа и какъ бы отъ лица народа; сочиненія его были вызваны самою жизнію и есть порожденіе своей эпохи. Этотъ-то историческій смыслъ сочиненій Посошкова, сказывающійся во всей массѣ сыраго историческаго матеріала, въ нихъ вошедшаго, въ связи съ общимъ ихъ идеальнымъ направленіемъ, выработаннымъ и возвышающимся на почвѣ живой дѣйствительности, и обусловливаетъ важное историческое значеніе сочиненій Посошкова, придаетъ имъ высокую степень научнаго интереса. Трудно себѣ представить существованіе болѣе объективнаго историческаго памятника, въ такой мѣрѣ безпристрастнаго среди крайностей своей эпохи и столь однако живо отразившаго въ себѣ современную жизнь и эти крайности, какъ сочиненія Посошкова.

Историкъ литературы русской встрѣчаетъ въ сочиненіяхъ Посошкова замѣчательнѣйшій памятникъ литературный, существенно важный въ выслѣживаніи историческаго процесса постепеннаго умственнаго роста русскаго человѣка, развитія

слова русскаго. По времени своего появленія сочиненія Посошкова стоятъ на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ въ исторіи русской цивилизаціи, отсюда и въ содержаніи своемъ представляютъ любопытнѣйшее сочетаніе старыхъ, древнерусскихъ понятій съ стремленіями новаго времени. Самъ Посошковъ представляетъ собою въ своихъ сочиненіяхъ интереснѣйшій типъ современника русской реформы, на которомъ наглядно можно наблюдать столкновеніе двухъ направленій, порожденныхъ реформою, когда новыя, прививаемыя начала дѣятельно вторгались въ жизнь на смѣну тоже еще слишкомъ живучихъ началъ старыхъ, когда умственный и нравственный кругозоръ русскаго человѣка представлялъ сочетаніе часто несоединимыхъ взглядовъ и убѣжденій, когда многое сохраненное изъ стараго и схваченное изъ новаго, иногда при всей своей несовмѣстимости, могло мирно уживаться въ одной и той же головѣ. Въ Посошковѣ мы не встрѣчаемъ совершенно новаго, цивилизованнаго человѣка, освободившагося отъ вліяній своего воспитанія, въ его стремленіяхъ и идеалахъ осталось слишкомъ много древнерусскаго, домостроевскаго, но за то мы встрѣчаемъ въ немъ уже очевидную способность и полную готовность къ новой жизни, первые прививки новаго духа, встрѣчаемъ въ немъ человѣка еще принадлежащаго старому времени, но уже усвоивающаго новые взгляды и убѣжденія, новыя понятія и идеи. Разсматриваемыя въ связи съ другими однородными произведеніями древнерусской словесности, сочиненія Посошкова даютъ возможность слѣдить за постепеннымъ возрастаніемъ русскаго человѣка для новой исторіи, прослѣдить постепенное развитіе идеаловъ древнерусскаго человѣка до кануна первыхъ дней новой Россіи. Нося въ себѣ смѣшеніе старыхъ традицій съ новыми запросами, принадлежа древней Россіи, но уже существенно соприкасаясь и съ новою жизнью, сочиненія Посошкова представляютъ живое отраженіе своего переходнаго времени, такъ сказать—знаменіе своей смѣшанной эпохи. Съ одной стороны они представляютъ итогъ къ до-петровской жизни, по своему же религіозному характеру, по внѣшней формѣ своего изложенія—по стилю и языку своему—послѣднее звѣно древнерусской письменности, удачное и полное

ея завершеніе; съ другой стороны, какъ носящія уже неотразимую печать новаго времени и новыхъ понятій, какъ наполненныя взглядами и стремленіями, навѣянными уже новымъ переворотомъ, сочиненія эти являются любопытнѣйшимъ введеніемъ въ новую литературу. Самымъ фактомъ своего существованія сочиненія Посошкова связываютъ двѣ литературныя на Руси эпохи, сглаживаютъ собою слишкомъ замѣтную рѣзкость перехода отъ одной къ другой, подававшую даже поводъ къ отрицанію всякой между ними генетической связи; сочиненія Посошкова блестяще доказываютъ цѣльность и непрерывность въ развитіи русской литературы, нерасторжимую связь и зависимость ея новаго періода отъ стараго, — служатъ однимъ изъ немногочисленныхъ и тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ памятниковъ нераздѣльнаго единенія всѣхъ выработанныхъ существенныхъ свойствъ и характеристическихъ чертъ исключительно религіозной древнерусской письменности съ новымъ критически-дѣловымъ направленіемъ и свѣтскимъ характеромъ русской литературы новой.

Историкъ религіозной мысли русской съ удовольствіемъ отмѣтитъ въ сочиненіяхъ Посошкова отрадный фактъ постепеннаго развитія религіознаго сознанія въ русскомъ обществѣ, постепеннаго осмысленія религіозныхъ воззрѣній, проясненія и все большаго и большаго одухотворенія религіозной мысли, замѣтно выбивающейся изъ мертвеннаго древняго царства обрядности, формализма. Религіозность Посошкова, при первомъ взглядѣ кажущаяся древнерусскою, домостроевскою, въ существѣ дѣла является гораздо болѣе разумною, просвѣтленною. Излагая точную до мелочности регламентацію обрядовъ, Посошковъ старается каждый обрядъ осмыслить, въ каждомъ обычаѣ отмѣтить внутреннее его значеніе, въ силу котораго этотъ обычай является не какъ бездушный, формальный обрядъ только, но какъ форма полная и религіознаго содержанія. Съ каждымъ словомъ молитвы Посошковъ соединяетъ опредѣленное содержаніе, къ каждому движенію тѣла, къ каждому только жесту въ религіозныхъ обрядахъ онъ старается пріурочить соотвѣтствующее движеніе духа. Очевидно, русскіе люди, высказавшіеся въ лицѣ Посошкова, стали наконецъ отыскивать мысль въ своей набожности, стали откры-

вать утраченный смыслъ своей религіозности. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь еще нѣсколько строкъ изъ одного неизданнаго сочиненія Посошкова (о школахъ), гдѣ онъ, разсуждая на обычную для него тему, что мы русскіе не знаемъ какъ должно своей вѣры, говоритъ, что народныя религіозныя воззрѣнія «лишь самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православію на поруганіе... Зазоръ носимъ на себѣ мы, россіяне, понеже ни вѣры своея какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго добронравія, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ... И добра вѣра наша, обаче отъ неученія вельми она закоростѣла, нахилилась, яко отъ вѣтру сокрушилась». Посошковъ ищетъ знанія вѣры— какова она есть, стремится къ добронравію истинному, настоящему, «естественному», какъ онъ выразился. Поэтому-то онъ такъ настоятельно требовалъ этого знанія отъ пастырей церковныхъ. Его запросы не были понятны съ точки зрѣнія древняго русскаго человѣка; Сильвестру напр. и на мысль бы не пришло предлагать такіе странные вопросы—ка́къ вѣровать въ Бога? — онъ зналъ, какъ нужно вѣровать, какъ нужно молиться Ему, какъ поставить себя въ отношеніи къ ближнему,—онъ такъ категорически, докторально изложилъ это въ своемъ Домостроѣ! — Только Посошковъ предложилъ такіе странные вопросы. Но вѣдь и Посошковъ отлично же зналъ домостроевскую-то религіозность, онъ едвали не предупредительнѣе Домостроя предусмотрѣлъ всѣ эти условія молитвы—„на стѣны не опирайся, на стороны не озирайся, гордостно не плюй» и пр. т. п., и всетаки его мучили, томили недоумѣнія, очевидно онъ не удовлетворялся этою религіозностью, онъ, зная и до мельчайшихъ подробностей условія и требованія старой набожности все же «докучалъ» великому архіерею, назойливо требовалъ—«научи насъ, какъ намъ Бога знать, какъ намъ душеполезно жить?!» И эти требованія предъявлялъ человѣкъ, общія религіозно-богословскія воззрѣнія котораго были замѣчательно правдивы, возвышенны. Очевидно Посошковъ *чувствовалъ* безграничную глубину христіанской мудрости и никогда не былъ бы способенъ успокоиться на своихъ добытыхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, стремился къ большему и большему совершенствованію. А его

догматика, дѣйствительно, уже сама по себѣ заслуживаетъ вниманія историка-богослова. Если на практикѣ, въ усиліяхъ примѣнить требованія религіи къ жизни, Посошковъ соблюлъ до тождества всю мелочность древне-русской обрядности и формализма, то основныя-то его убѣжденія религіозныя замѣтно возвышаются надъ узкостью стараго взгляда. Часто при чтеніи Посошкова можно забыться, что эти богословскія мысли высказываются неученымъ крестьяниномъ еще XVII—XVIII ст., что они самостоятельно усвоены, переработаны и превратились въ непреложныя убѣжденія простаго древне-русскаго начетчика. Невольно приходится убѣждаться, что въ сочиненіяхъ Посошкова встрѣчаешься съ личностію не чуждою и новыхъ, возвышенныхъ идей, не съ книжникомъ только буквы, а въ то же время уже и съ истиннымъ богословомъ одухотвореннаго христіанскаго ученія. Представленія Посошкова напр. объ отношеніи ветхаго завѣта къ новому, догматическія сужденія о смыслѣ и значеніи иконопочитанія, взглядъ на молитву христіанина и на условія дѣйственности ея, о истинно христіанскомъ милосердіи, сужденіе его о суевѣріяхъ народныхъ и т д.,—во всемъ этомъ Посошковъ обнаружилъ такую свѣтлость взгляда и богословскую основательность, какую только можно желать въ истинномъ христіанинѣ и какую навѣрное на половину нельзя встрѣтить даже и въ современныхъ намъ простолюдинахъ.

Наконецъ, съ удовольствіемъ встрѣтится съ нашимъ Посошковымъ и всякій изслѣдователь самобытной русской цивилизаціи, русскаго прогресса. Человѣкъ начала XVIII ст., когда грамотность встрѣчалась въ народѣ нашемъ какъ благопріятное исключеніе, человѣкъ принадлежащій средѣ сознательно противодѣйствовавшей просвѣщенію, самъ опутанный было уже темнымъ расколомъ, человѣкъ, сверхъ всего, заваленный всякою черною работою, является въ то же время обильнымъ писателемъ сочиненій политико-экономическихъ, спеціально военныхъ, финансовыхъ, религіозно-полемическихъ, богословскихъ, нравственно-назидательныхъ,—сочиненій, которыя по достоинствамъ содержанія годны стать въ уровень съ лучшими произведеніями нашей древне-отечественной письменности, а нѣкоторыми частными мыслями рѣшительно по-

ражающихъ неожиданно читателя; все это, въ сложности взятое, безъ преувеличеній можно назвать явленіемъ безпримѣрнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ! Какъ чистое, самородное золото въ пескѣ, находятъ теперь ученые въ сочиненіяхъ Посошкова, среди массы неинтересныхъ подробностей, мелочей, мысли поразительныя по своей оригинальности, новизнѣ и силѣ. Спеціалисты политико-экономы съ изумленіемъ ставятъ проекты Посошкова въ параллель съ политическими системами ученыхъ представителей западной науки. Историкъ Россіи поражается, видя тождество мыслей и стремленій «мизернаго крестьянина» съ думами, предположеніями и мѣропріятіями геніальнаго царя-Преобразователя Россіи. Съ неменьшимъ изумленіемъ и православный богословъ читаетъ въ произведеніяхъ древнерусскаго «холопа» основательное раскрытіе нѣкоторыхъ пунктовъ ученія Христова, разумную, трезвую полемику съ разными отпрысками иновѣрія. А взглядъ Посошкова напр. на женщину, столь гуманный и ужь никакъ не ожиданный въ старомъ русскомъ человѣкѣ, разумное отношеніе къ духовенству, ставящее Посошкова во главѣ свѣтской обличительной письменности на пороки и недостатки духовенства, его стремленія къ истинному христіанскому просвѣщенію, его настоятельные запросы на поголовную грамотность народа русскаго, наконецъ, эти его, такъ сказать, пророчества, постепенно сбывающіяся и доселѣ: «нужно состроить для россійскія славы и ради духовныя пользы академію великую всѣхъ наукъ, и въ Москвѣ построить бы великую академію патріаршу; такожде бы и въ городахъ, во всѣхъ епархіяхъ построить училища; нехудо бы грамматическія школы построить и въ обителяхъ; а у Троицы, въ Сергіевѣ монастырѣ, можно быть и цѣлой академіи; не худо бы тѣхъ, кто книжный разумъ имѣетъ въ себѣ и на степени возводить; учителей, буде въ Греціи и въ иныхъ православныхъ странахъ высокоученыхъ людей не окажется, по нуждѣ хотя изъ люторскія вѣры достать» и т. д. и т. д.!—Всѣ эти и подобныя мысли Посошкова не нуждаются ни въ какихъ разъясненіяхъ и освѣщеніяхъ, потому что онѣ въ высшей степени краснорѣчиво сами за себя говорятъ. И не только въ хроникѣ собственно русскаго прогресса интересенъ По-

сошковъ,—фактъ писательства его вправѣ занять мѣсто на страницахъ исторіи общечеловѣческой культуры и прогресса. И Посошковъ дѣйствительно уже отысканъ въ русской исторіи и занесенъ, наряду съ немногими представителями русской націи, въ хронику общечеловѣческой самодѣятельности (разумѣю книгу Смайльса). Недаромъ также и нашъ русскій профессоръ Брикнеръ, болѣе всѣхъ доселѣ потрудившійся надъ Посошковымъ, счелъ умѣстнымъ популяризовать имя Посошкова и въ нѣмецкомъ мірѣ: результаты своихъ русскихъ изслѣдованій о Посошковѣ онъ издалъ въ особой книгѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

Таковъ мой герой, которымъ я заинтересовался, котораго я любя изучалъ и памяти котораго посвятилъ подлежащій теперь обсужденію свой трудъ. Если въ настоящемъ своемъ словѣ я не могъ оживить для читателя образъ Посошкова, если не смогъ пробудить ту симпатію къ нему, которую невольно почувствовалъ я, познакомившись съ нимъ; то прошу приписать это единственно моему неумѣнью, недостатку моего слова. Свѣтлый же, симпатичный образъ Посошкова, я увѣренъ, предстанетъ предъ каждымъ, кто безъ предубѣжденія пожелаетъ познакомиться въ сочиненіяхъ Посошкова съ душою этого человѣка, — человѣка, по моему искреннему убѣжденію, заслуживающаго только незабвенной, доброй памяти отъ всякаго русскаго человѣка.

Въ своемъ изслѣдованіи я поставилъ себѣ цѣлію, кромѣ ближайшаго ознакомленія съ религіознымъ характеромъ сочиненій Посошкова, посмотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія исторической и литературной. Для этого я старался выслѣдить все, что въ нихъ есть историческаго, все что имѣло отношеніе къ тогдашней исторіи. Чтобъ придать сообщеніямъ Посошкова нѣкоторое освѣщеніе, я приравнивалъ ихъ къ добытымъ уже историческимъ даннымъ или сопоставлялъ съ ними другія замѣчательныя историческія свидѣтельства, отмѣчая притомъ, что изъ сказаннаго Посошковымъ подтверждается и другими и что сообщено Посошковымъ новаго. Чтобы опредѣлить литературное значеніе сочиненій Посошкова и хоть приблизительно намѣтить мѣсто, какое они должны занять въ исторіи русской цивилизаціи, я разсматривалъ со-

чиненія Посошкова также въ связи съ другими однородными произведеніями древнерусской письменности, отмѣчая ихъ особенности, новое въ нихъ, стараясь выслѣдить по нимъ постепенное развитіе русской мысли, умственные успѣхи въ развитіи русскаго человѣка. И какъ бы ни было много недостатковъ въ моемъ сочиненіи, я самъ ставлю себѣ въ заслугу то по крайней мѣрѣ, что лишній разъ обращаю вниманіе книжнаго міра на этого обезславленнаго и несправедливо забытаго человѣка. Современники не оцѣнили и не съумѣли воспользоваться Посошковымъ; при рѣзкомъ разграниченіи классовъ общественныхъ Посошковъ не смогъ выбиться изъ рядовъ такъ называвшихся «подлыхъ людишекъ», и за свои дерзновенныя попытки къ общественной дѣятельности жестоко долженъ былъ поплатиться. Наше дѣло—исправить ошибку отцовъ, возстановить правду, отдать Посошкову должное. А между тѣмъ и доселѣ Посошковъ собственно говоря не введенъ еще, какъ выразился Погодинъ, «въ пантеонъ россійской словесности», и теперь не всѣ и охотно отворяютъ ему двери этого пантеона, не всѣ безпристрастно склонны цѣнить его. Какой напр. величественный, аристократскій взглядъ на него не такъ давно высказанъ былъ между прочимъ однимъ изъ нашихъ ученыхъ: «у Посошкова все плебейски назойливо, грубо, несвязно, мужицки угловато»!. А тотъ же ученый ясно видѣлъ, что голова-то у Посошкова вовсе не «мужицкая», долженъ былъ признаться, что взгляды Посошкова разительно сходны съ ученіемъ западно-европейскихъ ученыхъ абсолютистовъ, что проекты Посошкова часто до тождества сходны съ знаменитыми проектами маршала Франціи Вобана, что идеи Посошкова совпадали съ предначертаніями Петра Великаго и т. д. Итакъ, что же остается у Посошкова грубаго, мужицкаго, плебейскаго? — его тонъ, складъ, рѣчь?—Нѣтъ, эта рѣчь плебея есть цѣльная, настоящая русская рѣчь, рѣчь простая, безхитростная, но сильная, мощная. Русскому человѣку не можетъ она не нравиться; въ каждомъ словѣ Посошкова—Русью пахнетъ, не поддѣльною, не шлифованою, а настоящею, народною. Это не та рѣчь, которою блистали наши западники XVIII ст., это даже не наша рѣчь, часто изысканная, часто съ чужимъ душкомъ

иностранщины, а это настоящая родная рѣчь. Пріятно читать Посошкова и теперь намъ, такъ рѣдко слышащимъ народное наше слово. Недаромъ же—думаю всякій это замѣчалъ—недаромъ часто одна фраза, слово одно, но слово истовое, русское, приведенное изъ какого-нибудь напр. Посошкова скрашиваетъ нашу рѣчь, обновляетъ современное наше холодное слово,—оживляетъ, потому что въ нашей обыденной рѣчи оно пріятно ласкаетъ ухо, какъ звукъ національной пѣсенки, какъ истый родной мотивъ. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ нашихъ критиковъ (Ап. Григорьевъ), случайно коснувшись сочиненій Посошкова, пораженъ былъ силою и своеобразною прелестью ихъ русскаго склада и указалъ на нихъ какъ на лучшій учебникъ, на которомъ нужно учиться богатству русскаго слова,—какъ на неизсякаемый источникъ, изъ котораго и поэтъ и художникъ можетъ черпать образы, сюжеты для своихъ произведеній.

Да, все болѣе или менѣе интересно и цѣнно въ Посошковѣ и все въ немъ заслуживаетъ вниманія и изученія. Между тѣмъ русскіе люди мало знаютъ, пока вовсе почти не знаютъ Посошкова. Какъ самъ онъ безславно умеръ, такъ и сочиненія его были заброшены, растеряны. А между тѣмъ вѣдь народъ нашъ безъ сомнѣнія любитъ свою старину, онъ съ любовію, свято блюдетъ часто ничтожные слѣды и остатки родной древности; онъ въ неприкосновенности сохранилъ напр. дубинку Петра Великаго,—съ благоговѣніемъ смотритъ и теперь на нее простой русскій человѣкъ... На насъ же, людяхъ причастныхъ наукѣ, лежитъ нравственная обязанность познакомить русскій народъ вотъ и съ этими—словесными, духовными дубинками, въ родѣ сочиненій Посошкова, которыми онъ больно, безпощадно билъ нравственное уродство въ русской жизни, одновременно съ Петромъ, который подчасъ дѣйствительно и тою, историческою дубинкою училъ русскихъ людей уму-разуму. И какъ поучительно знакомиться съ этими дубинками, которыми чинилось наученіе въ нашей родной старинѣ! При взглядѣ на дубинку Петра Великаго проникаешься радостнымъ сознаніемъ, что русскіе люди выросли наконецъ изъ подпалочной опеки, что они ушли отъ дубинокъ, и никто, и лютый врагъ не пожелаетъ Россіи впе-

реди, въ дальнѣйшемъ ея ростѣ встрѣтиться опять съ такою дубинкою. А познакомясь съ этими—словесными дубинками, невольно скажешь: дай Богъ Россіи теперь и послѣ, и всегда поболѣе такихъ дубинокъ, поболѣе такихъ прямыхъ, честныхъ людей-патріотовъ, поболѣе такихъ искреннихъ голосовъ за правду, поболѣе этой правды, къ которой такъ самозабвенно стремился нашъ Посошковъ, и—благо будетъ Россіи, никакая кривда не одолѣетъ ее!

